

УДК: 7.033.2.(471):75.041:7.04:904

ББК: 85.14

A43

DOI: 10.18688/aa177-4-39

Б. Г. Васильев, Д. Д. Ёлшин

Фресковая роспись «дома боярина» в окольном городе Новогрудка (по материалам коллекции фрагментов штукатурки)

Постройка № 12, исследованная на Малом замке (древнем окольном городе) Новогрудка раскопками Ф. Д. Гуревич в 1960–1962 гг., является одной из немногих известных древнерусских деревянных построек, расписанных в технике фрески по штукатурному слою. Эта особенность, а также богатство найденных в ней предметов быта, убедительно датируемых первой половиной XII в., свидетельствовали о высоком статусе ее хозяина. Благодаря этому постройка получила условное наименование «дом боярина», или «повалуша» (как именуются расписанные жилые постройки в «Слове о богатом и убогом», сочинении XII в.) [9, с. 97, 101, 102]. Квадратная постройка со сторонами, равными 8,6 м, имела общую площадь около 74 м². Возможно, она была разделена на два помещения (шириной 3,2 и 5 м), ориентированных с севера на юг. В северо-восточном углу располагалась печь, сложенная из плинфы и глины. Фрагменты расписанной штукатурки залежали лицевой стороной вниз на полу и в слое строительного развала постройки, в основном в ее южной части и вдоль южной стены [9, с. 97–98]. Общее количество фрагментов, к сожалению, в полевой документации не было приведено.

Краткое описание фрагментов фресок, несколько фотографий и прорисовок были опубликованы автором раскопок [9, с. 98–100; 10, с. 37–38, 121]¹. Вскоре после этого Ю. П. Спегальским было выполнено дополнительное исследование фрагментов, а также предпринята попытка реконструкции живописного убранства этого строения. Реконструкция Ю. П. Спегальского учитывала согласование росписи и особенностей деревянной архитектуры избы-пятистенка, топившегося, по мнению автора, «по-черному» [16, с. 149–159; 10, с. 37–38] (Рис. 1).

После раскопок коллекция фрагментов фресковой штукатурки, собранная в 1960–1962 гг., оказалась разрознена. Большая часть ее (177 фрагментов) хранится в Государственном Эрмитаже², 8 фрагментов находятся в Национальном историческом музее

¹ Ф. Д. Гуревич приводит в своих отчетах и публикациях изображения всего 11 фрагментов фресок [10, с. 38, рис. 26; 8, с. 99, рис. 41], Ю. П. Спегальский — другие 18 фрагментов в прорисовках [16, рис. 58–62].

² Сектор архитектурной археологии ГЭ, шифр АНВ, № 1–177, хранитель Д. Д. Ёлшин.

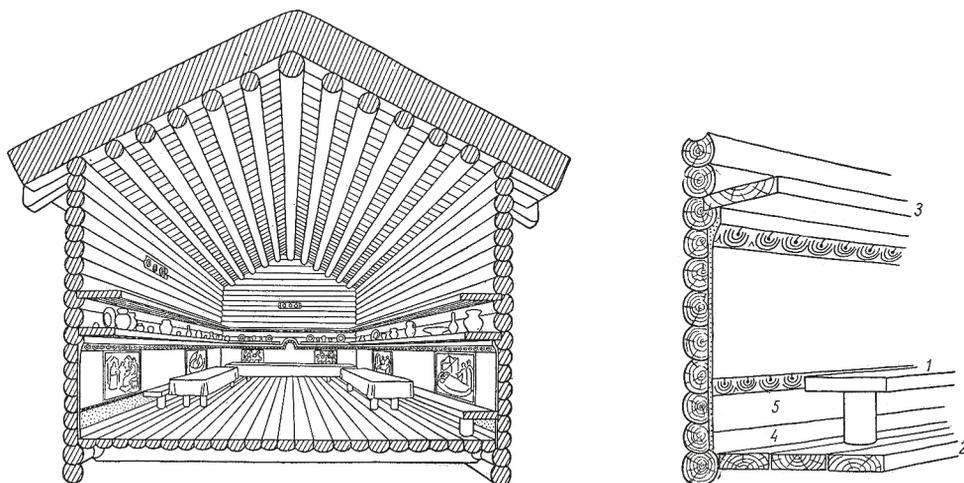

Рис. 1. Убранство интерьера новгородского «дома боярина». Реконструкция Ю. П. Спегальского

Республики Беларусь³, еще 15 фрагментов известны нам по качественным цветным изображениям (СК 1–15)⁴.

Несмотря на скромный объем коллекции, включающей 200 фрагментов, составляющих плоскость не более 1,5 м², уникальность памятника в истории древнерусского искусства призывает к подробному аннотированию и широкому представлению этого интереснейшего материала. Ранее высказанные суждения об этих фресках можно дополнить и в некоторой степени откорректировать, что и составляет содержание нашей работы⁵. Предлагаемое исследование тем более важно из-за ограниченных сведений о немногих других стенописях жилых построек Древней Руси⁶.

Археологический контекст обнаруженных фрагментов (полностью погибшая в пожаре деревянная постройка) мог бы указывать на то, что при раскопках исследователи должны были встретить распавшийся на фрагменты полный комплекс штукатурки постройки: сложно представить себе «эвакуацию» фрагментов при том большом количестве дорогой утвари, погребенной в завале стен дома. Памятник и его периферия были

³ НИМ РБ. Инв. 9634/34 (1–8). Благодарим руководство музея и хранителя М. И. Степанову за предоставленную возможность работы с этими фрагментами в июне 2016 г.

⁴ Сканированные цветные изображения были выполнены А. А. Липатовым (ИИМК РАН) в 2002 г. (Е. Ю. Медникова, А. А. Липатов. Предварительный отчет по анализам фресок из Новгорода (деревянная постройка — повалуша). ИИМК. Рукопись 6/н. [2002]) Коллекция находится в процессе подготовки к передаче в Государственный Эрмитаж, обследовать в натуре эти фрагменты нам не удалось. Благодарим авторов отчета за возможность ознакомиться с рукописью и использовать изображения фрагментов фресок.

⁵ В связи с ограничением по объему текста статьи рассмотрены только художественные особенности фресковой штукатурки из «дома боярина». Ее технологические особенности и вопрос о способе крепления изучен нами в отдельной работе [6].

⁶ Расписанная штукатурка была также обнаружена при раскопках деревянных построек на Старокиевской горе в Киеве: В. В. Хвойко в 1907 г. [15, с. 324] и В. А. Харламова в 1982 г. [17, с. 112–116]. Коллекция фрагментов росписи новгородской постройки является самой большой.

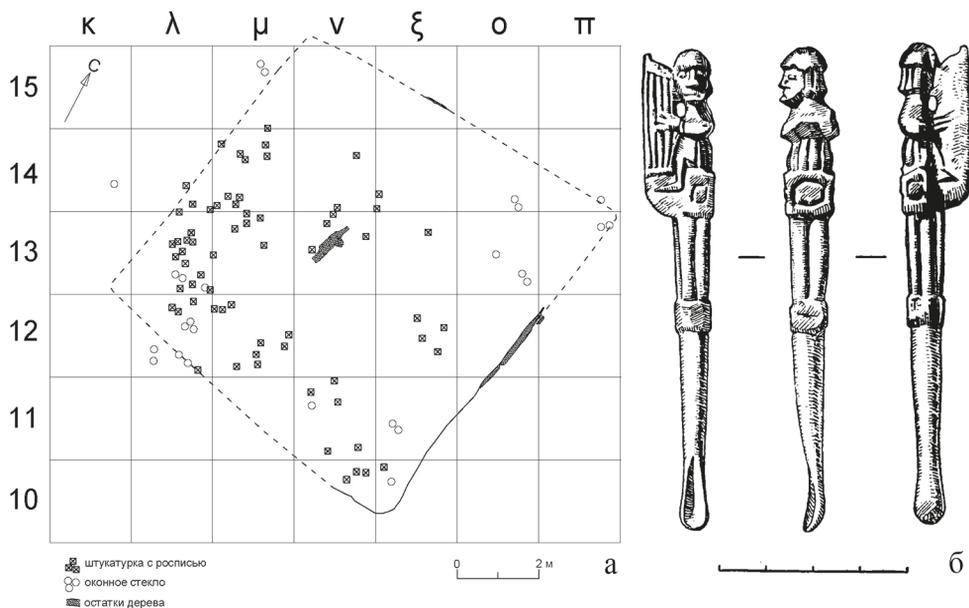

Рис. 2. а) План раскопок постройки № 12 с находками фресок и оконного стекла. Прорисовка Д. Д. Ёлшина по полевым чертежам Ф. Д. Гуревич; б) костяная копоушка с резным изображением музыканта из раскопок постройки № 12

исследованы полностью. Тем не менее собранные фрагменты не составляют цельной картины. Следует признать, что площадь поднятого разрозненного по содержанию живописи и рисунка материала, вероятнее всего, свидетельствует о росписи небольшого участка стен, расположенного в основной зоне сбора фрагментов — в юго-западном углу постройки (Рис. 2, а).

Пожар, который, вероятнее всего, явился причиной разрушения повалуши, не повлиял на сохранность цвета фресок, кроме того, что на поверхности многих фрагментов и на их тыльной стороне осели мельчайшие крупинки сажи. Колорит фресок, по собранному материалу, построен на преимущественном звучании белого и красного фонов⁷ (Илл. 86, а–в). Особо привлекательными для стен жилого дома должны были выглядеть замкнутые лентами с киматионом большие плоскости с ярким красным цветом, вызывающие отдаленные ассоциации с убранством богатых каменных построек Римской империи. Желтый фон в один слой послужил основой для личного в изображении головы человека и для орнаментальных мотивов, исполненных красными линиями. В другом случае овальное поле желтого цвета граничит с полем красного цвета, по краю которого проведена овальная тонкая линия белого цвета без видимой графы (СК-12; Илл. 86, г). Зеленый цвет применен в качестве теневой полосы отдельных звеньев полос с киматионом, а также фона для красных штрихов разнообразного характера. Синий в малом

⁷ Из 177 фрагментов коллекции САА ГЭ 48 окрашены красным фоном (эту преобладающую категорию фрагментов Ю. П. Слегальский выделял в отдельную группу — «тип Б» [16, с. 150] и 19 — белым.

количестве просматривается только на головном уборе на фрагменте с изображением головы человека. Неожиданным для техники фрески надо признать активное применение черного цвета для отгранок и для рисунка киматиона. Черный цвет на белом фоне с большими полями красного цвета, надо полагать, выполнял поставленную автором росписи художественную задачу, отчетливо выделяя цветовые контрасты. Очерк черными линиями был популярен в мозаиках, но крайне редко в аналогичной функции рисунка личного и силуэта фигуры встречается на фресках, а для орнаментальных композиций нам известны буквально эпизодические примеры его применения [2, с. 321; 4, с. 77–79].

Фрагменты фресок позволяют проследить художественные особенности орнаментальной части живописного убранства интерьерера, одного из сюжетов, а также надписей. Собранные фрагменты с хорошо читаемым мотивом киматиона составляют основной корпус изобразительного материала. Исследователями уже были отмечены нюансы этого мотива, обычно являющегося частью архитектурного стаффажа композиций [9, с. 97–102; 15, с. 150; 10, с. 37]. Изучение фрагментов можно продолжить, обратив особое внимание на характер рисунка киматиона, повсеместно исполненного одним мастером, судя по ритмике композиции и по специфике элементов мотива. В основании имитации листьев аканфа художник прокладывал зеленую или красную полосу, имитирующую тень архитектурного валика. Различный цвет теневой полосы в основании имитации листьев аканфа в рамках одной росписи — явление редкое, и этот нюанс можно связать с чередованием мотива на разных плоскостях. Количество фрагментов киматиона с теневой полосой зеленого цвета (АНВ-15, -16, -21, -23; СК-2, -5; Илл. 86, д–ж) и с красной полосой (АНВ-24–26; СК-1, 15; НИМ РБ-9634/34; Илл. 86, з, м) почти одинаково. Такое чередование теневых зеленой и красной полос на валиках медальонов успешно применялось в росписи ладожской церкви св. Георгия XII в. [5, с. 69, рис. 117–119]. Полный вариант пояса с киматионом по ширине обнаружен на фрагменте (СК-5; Илл. 86, е). Обломок (СК-4; Илл. 86, и) отличается наличием тонкой белой ленты, проведенной по ритму черной линии с «балясинами» киматиона, и параллельной красной широкой полосы. Эти элементы исполнены по слою обмазки стены без предварительного прокрытия фона белой краской. Такая ситуация не повторяется на других фрагментах и может быть связана с разными обстоятельствами работы художника.

Оригинальным для коллекции представляется упомянутый фрагмент с рисунком киматиона и с поворотом этого пояса под прямым углом. Ф. Д. Гуревич предложила его описание «в виде желтых прямоугольников, окаймленных коричневыми полосами и полуспиралями. Прямоугольники с одной стороны обрамлены аканфом, нанесенным черной краской, с другой — сплошной красной росписью» [10, с. 37] (СК-8, фрагменты — АНВ-71, -73, -74) (Илл. 86, к–л). Описание требует уточнения. Киматион читается не только с одной стороны, но и с другой, подступающей к читаемому поясу под прямым углом. Этот пояс построен по единым для ансамбля принципам применения белого фона и теневой полосы, подступающей к черной прямой линии в основании пояса, от которой исходят тонкие черные овальные линии. Здесь действительно хорошо заметна теневая лента красного цвета (местами утраченная), поверх которой нанесены тонкие черные линии, что в сумме соответствует заданной в ансамбле композиции рисунка ки-

матриона. Необычным оказался рисунок другой ленты с киматионом, где следов теневой линии не обнаружено. На данном фрагменте мы встречаемся с примером обрамления неизвестной архитектурной композиции поясами киматиона. Такой вариант ритмики построения киматиона не обнаружен в древнерусской монументальной живописи. Однако подобного рода круговые или прямоугольные обрамления поясом киматиона можно встретить, например, на рамках византийских миниатюр или в композициях «Жены мироносицы у гроба Господня» или «Воскрешение Лазаря» на фресках церкви св. Георгия в Курбиново [18, pl. 78].

Фрагмент с овальной полосой валика и с теневой лентой зеленого цвета опубликован Ю. П. Спегальским как дуговая часть бордюра (СК-2; Илл. 86, д), в реконструкции он представлен в статье Ф. Д. Гуревич [16, с. 152, рис. 59; 10, с. 38, рис. 2]. Необходимо попытаться понять роль теневой ленты зеленого цвета в системе художественной декорации постройки. По известной практике росписи храмов овальный валик с киматионом обрамлял либо арку на колонках, либо медальон, фон которых свободно варьировался, впрочем, чередуясь при расположении медальонов на протяженных фризах [5, с. 69]. Для второго варианта необходимо большое количество фрагментов с овальным валиком, что не подтверждается фактически собранным материалом. Остается интерпретация нашего валика в качестве арки, в данном случае обрамляющей поле с красным фоном. Арка, как правило, опирается на колонки с капителями и базами. Колонки обычно украшаются рисунком, имитирующим разводы мрамора в разных вариациях мотива, в том числе в виде штриховых хаотически наброшенных линий с узлами [3, с. 18–32]. В рамках традиции изображения колонок художники подчеркивают рельеф столпа прямыми теневыми полосами по краю на всю высоту колонок. Рисунок капителей с разной степенью подробности и базы с простой вертикальной или, реже, горизонтальной штриховкой завершают работу над этими конструкциями, однако в нашем распоряжении этих деталей нет.

На ряде фрагментов (АНВ-1-9, -33-34, -37, -145; СК-4, -6, -7, -15; НИМ РБ-9634/34) сохранились углы двух граней с живописью, одна из которых скошена под углом примерно в 40–45° относительно плоскости другой грани. На местах углов толщина грунта увеличивалась до 5–10 см (Илл. 87, а–г). Углы по обеим плоскостям украшены красной лентой (рамкой), замкнутой тонкими прямыми черными линиями. Общая ширина ленты с отгранками на обе плоскости угла составляет около 3 см. Во всех случаях угловая рамка окружена белым фоном. Ю. П. Спегальский весьма настойчиво отвергал возможность расположения фрагментов с углами на откосах «каких-либо проемов» из-за большого количества таких фрагментов [16, с. 156]. По нашим наблюдениям, напротив, незначительное число таких фрагментов (19 шт.), а также отсутствие существенных отличий в скосах грани позволяет отнести все образцы не более как к одному проему, вероятнее всего, окна с раструбом в сторону интерьера. На одном из этих фрагментов обе плоскости по сторонам от угловой красной рамки художник украсил лентой с мотивом киматиона (СК-6; Илл. 87, в). Этот фрагмент прямо указывает на значительную роль лент с киматионом в обрамлении всех отдельных плоскостей росписи повалуши, а также и наиболее выразительных, сложных по рисунку композиций — это прочитывается, например, на фрагменте СК-8 (Илл. 86, к).

Наличие в коллекции фрагментов с рисунком киматиона в обозначенных различных вариациях как ритмики лент, так и в раскраске тени свидетельствует о чрезвычайно сложной компоновке этого орнаментального элемента росписи, требующего, прежде всего, гораздо большей площади, чем это обозначено собранным материалом.

По характеру рисунка киматиона можно уверенно говорить о знакомстве художника с этим мотивом, который активно применялся в прикладном искусстве, в миниатюрах, а также в монументальной живописи. Степень стилизации мотива близка рисунку на фресках Софийского собора XI в. в Полоцке, а также в храме-усыпальнице XII в. Евфросиньевского монастыря Полоцка и в церкви св. Климента в Старой Ладоге [7, с. 58; 1, с. 43; 5, с. 399, кат. 47–51].

Небольшую группу составляют фрагменты с фоном зеленого цвета и короткими штрихами красного цвета, которые Ю. П. Спегальский интерпретировал как росписи, имитирующие цветные камни или мраморы [16, с. 152, 154, 159]. Надо согласиться с определением, уточнив, что растяжка зеленого тона от светлого до интенсивного, например, на фрагменте (СК-11) (Илл. 87, д) применена художником для изображения тени колонок, на которых, помимо штрихов, художник нарисовал овальные линии, наиболее характерные для мотива мраморировок с прожилками [3, с. 20]. Видимо, только для мраморировок художник применил два тона красного цвета с лентами узлов темно-красного цвета и беспорядочными короткими штрихами алого цвета. Аналогично по зеленому фону исполнен рисунок красных прожилок полилитии на одном из фрагментов церкви св. Климента в Старой Ладоге [5, с. 446, кат. 20].

Отдельное место занимает фрагмент с рисунком параллельных овальных линий темно-красного цвета по желтому фону, напоминающих ритмику прожилок листьев аканфа на поясах с киматионом (АНВ-72) (Илл. 87, и). На поле этого фрагмента видны разнообразные и неясные по форме пятна темно-красного цвета, однако других устойчивых примет пояса киматиона здесь нет. Близкими по колориту фона и по рисунку красных линий можно считать ещё два обломка (АНВ-73, -74).

Несколько образцов коллекции можно отнести к числу растительных мотивов. Среди них — рисунок беспорядочных по ритмике овальных линий темно-красного цвета на полосе светлого красного цвета по общему желтому фону (АНВ-70; Илл. 87, к). На этом поле по сторонам от стебля расположены ломаная красная линия и черная линия (на границе с белым фоном). На двух других фрагментах читается рисунок, вероятнее всего, стеблей растений. Один из них опубликован Ю. П. Спегальским, а другой находится в нашей коллекции (АНВ-079) [16, с. 153, рис. 60] (Илл. 87, ж). Выразительная по силуэту утоняющаяся к концу монохромная красная волнистая линия на белом фоне, которую можно рассматривать как вариант струйчатого орнамента, открылась на еще одном фрагменте АНВ-30 (Илл. 87, л).

К геометрическим орнаментам надо отнести фрагмент СК-9 с рисунком остроугольной фигуры ярко-красного цвета, оконтуренной тонкой черной линией и окруженной темно-красным цветом коричневого тона (Илл. 87, м). Отсутствие каких-либо подробностей или следов моделирования плоскостей затрудняет атрибуцию этих двух фрагментов. Подобные ленты из треугольников нередко встречаются в орнаментации откосов окон [5, с. 267, 343, кат. 11].

Обломок размером 14 × 12 см (СК-10; Илл. 88, б) отмечен Ф. Д. Гуревич и Ю. П. Спегальским как фрагмент с рисунком мужской головы, представленной в профиль и покрытой шапкой с околышем и голубой тульей, что, по представлению Ф. Д. Гуревич, соответствует форме княжеской шапки с околышем и с мягкой тульей [9, с. 99–100; 16, с. 152, 154]. Далее автор находит в качестве прямого аналога рисунок и колорит шапки на князе в ктиторской композиции фресок Нередицы и, соответственно, предполагает видеть здесь изображение князя, которому мог принадлежать этот терем [9, с. 101–102]. На следующем этапе исследования Ф. Д. Гуревич осторожно предположила, что в повалуше изображен князь Глеб, поскольку в Новогрудке в древности стоял храм во имя святых Бориса и Глеба [10, с. 121].

Описание рисунка можно уточнить по его видимым деталям. Фон для лика монохромный светло-желтого цвета. Рисунок контура и деталей выполнен красными линиями. Нос крупный с прямой короткой спинкой, без очерка ноздрей. Несоразмерно с пропорциями лица выглядит большой подбородок. Овальной линией обозначена короткая шея. Бровь написана домиком; рисунок глаза едва угадывается. Рот чуть раскрыт. Затылочную часть разобрать трудно. Если рисунок прямоугольной фигуры на затылке принять за ухо, то оно окажется заниженным относительно уровня брови и значительно ниже уровня кончика носа. На щеке под глазом едва заметны две короткие овальные, вероятно, теневые линии темно-красного цвета. Выявить следы моделирования лица из-за плохой сохранности фрагмента затруднительно. Небольшие участки белого цвета относятся к первичному основному фону плоскости. Лоб полностью закрыт рисунком узкого околыша головного убора, исполненного двумя параллельными темно-красными линиями по голубому фону, следы которого сохранились на полосе околыша. Рисунок тульи, окрашенной голубым цветом, не угадывается. К голове примыкает наклонная прямая красная тонкая линия, завершенная треугольной фигурой. На половине её длины к ней вплотную подступает остроугольная (ромбовидная) фигура, закрашенная красным цветом по желтому фону. Предположение о том, что здесь изображен князь, судя по головному убору, также требует корректировки. Надо отметить, что изображения князей в композициях повсеместно написаны анфас или в трехчетвертном ракурсе. Тулю у князя в ктиторской композиции Нередицы в ходе недавней реставрации и установки фрагментов на стену южного аркосолия храма подобрать не удалось, а по копии, сделанной до разрушения ансамбля, она была белой с широким околышем коричневого цвета. Тип головного убора на нашем фрагменте в действительности определить трудно. Если говорить об узком околыше и светлой округлой тулье, то именно такие головные уборы присутствуют у всех зрителей в светском сюжете на фреске юго-западной лестничной башни Софии Киевской. Узкие околыши на островерхих шапках написаны на фигурах скоморохов и охотников в той же росписи Софийского собора, на миниатюре со скоморохами в мадридской Хронике Скилицы XII в.

Роль персонажа в сюжетной композиции определить по данному фрагменту затруднительно. Для возможной атрибуции значение имеют ракурс головы в профиль, шапка с узким околышем и мягкой тульей, а также неразгаданный предмет в руках, более всего напоминающий музыкальный инструмент с треугольным мундштуком (сопель, флейта?). Сцена с музыкантами (скоморохами?) кажется наиболее уместной в доме, где

могли проходить различные празднества, о чем косвенно свидетельствует материал раскопок.

Обрывки букв, обнаруженных на ряде фрагментов, Ю. П. Спегальский интерпретировал как пояснение к сюжету с изображением головы человека [9, с. 100, рис. 41, 1–3; 16, с. 154]. В нашей коллекции оказались не все ранее опубликованные фрагменты. К ряду рисунков с буквами можно с долей вероятности отнести десять фрагментов (АНВ-45–47, 49–55). Только на одном из них определенно читается буква «Ъ» и справа от неё овал, вероятнее всего, остатки буквы «О» (АНВ-49) (Илл. 88, а). Палеографические признаки надписи определить трудно, кроме указания на округлость петли читаемой буквы. На всех образцах буквы высотой около 5 см написаны черными линиями по белому фону [9, с. 100]. Многие из предполагаемых фрагментов с надписями в нашей коллекции могут быть частями черных линий отгранок.

На немногочисленных фрагментах с буквами, в том числе и опубликованных Ф. Д. Гуревич, не замечено графьи для возможной многострочной надписи; вероятно, здесь была однострочная или колончатая надпись, содержание которой угадать особенно трудно, учитывая её размещение в жилом доме и, конечно, небольшое количество фрагментов с обрывками букв. Основная часть росписи имела характер декоративного оформления небольшой части интерьера. В таком контексте надписи действительно могли быть посвящены пояснению к сюжету.

Очевидное господство ленты киматиона в декорации росписи повалуши содействовало решению, вероятно, одной из главных художественных задач — созданию архитектурного пространства, заполненного мраморировками и большими плоскостями своеобразного по тону красного цвета. В отличие от своих римских прообразов, эти плоскости, похоже, не имели дополнительных рисунков. В свою очередь, применение белого фона, занимавшего также большую часть росписи, могло быть обусловлено слабым освещением интерьера дома. Образ человека, голова которого открыта на одном фрагменте, должен быть связан с предметом в его руках. Ктиторскую композицию представить здесь трудно, учитывая назначение дома как жилого, а также художественные признаки фресок, указывающие на светский характер росписи⁸. Изображение музыканта (скомороха) наиболее вероятно, чему не противоречит и наличие шапки, в подобной форме известной в монументальной живописи, а также на предметах прикладного искусства и в миниатюрах [12, с. 170, рис. 247–249, 260–261, 274, 283; 13].

Трудно обойти вниманием находку на территории раскопа постройки № 12 костяной копоушки с навершием в виде «музыканта с вертикально стоящим струнным инструментом» [8, с. 53, рис. 13] (Рис. 2, б). Заманчиво было бы связать эту находку с фреской и с историей «дома боярина», который можно было бы точнее интерпретировать по назначению, ориентируясь на предметный материал⁹.

⁸ Следует отметить полное отсутствие каких-либо признаков церковного содержания в сохранившихся фрагментах живописи (это ранее подчеркивал и Ю. П. Спегальский [16, с. 159]). Противоречивым кажется мнение Ф. Д. Гуревич, которая на основании колорита фресок «дома боярина» отметила её «светское звучание» при одновременной попытке интерпретации сюжета с головой как изображения князя Глеба [10, с. 121].

⁹ Оригинальное навершие подготовлено по специальному заказу, возможно, одного из жителей

В целом материала настолько мало, что представляется логичным видеть украшение фресками только небольшой части интерьера, видимо, юго-западной части повалуши (место находки большинства фрагментов). Стабильность однородного по сути материала и кажущаяся простота росписи, однако, полна не разрешимых однозначно вопросов. В частности, нет возможности скомпоновать эти фрагменты в нечто стабильное по логике расположения в малом пространстве — требуется площадь гораздо большего размера. Неожиданно строгую прямолинейную геометрию лент с киматионом нарушает овальный пояс с красным фоном, на котором должно быть какое-то выделенное по значению всего ансамбля изображение. Это поле, замкнутое аркой (?), не касается фрески с изображением человека на белом фоне (князь или музыкант). Открытая прямоугольная лента киматиона по двум граням обрамляет неизвестную архитектурную форму. Поразительный эффект интерьеру придавали плоскости ярко-красного цвета, а в соседстве с киматионом это сочетание хорошо известно по росписям жилых домов Помпей, Геркуланума, Стабий.

К сожалению, не все фрагменты, которые находились в руках первых исследователей, обнаружены в указанных коллекциях. Среди них особый интерес вызывает фреска с рисунком, который Ю. П. Спегальский атрибутировал как «кисть руки, держащей меч» [16, с. 152, рис. 60]. У нас нет оснований для иного толкования этого рисунка, но в подобном случае среди изображений должна быть ещё фигура воина, обращенного анфас или вправо от зрителя вслед за движением руки. В прорисовках нередко возникают мелкие ошибки, как это заметно на прорисовке головы человека в публикации Ю. П. Спегальского, поэтому атрибуция утраченного оригинала могла быть иной. Вероятно, об этом же фрагменте с изображением только части руки упоминала в своей монографии Ф. Д. Гуревич [10, с. 37]. Для предложенной атрибуции воина сомнение вызывает нижняя часть рукояти предмета с кольцами, зажатого в руке. Осторожно можно продолжить развитие темы «скоморохов», полагая, что этот предмет связан с другим музыкальным инструментом. Надежда на расширение коллекции новгородских фрагментов крайне невелика, что связано, с одной стороны, с указанием Ф. Д. Гуревич о расчистке участка для следующей постройки № 10 на этом месте, а с другой стороны, с небрежным отношением исследователей памятника к обломкам штукатурки с живописью как массовому материалу [10, с. 121–122].

При работе с фресками из «дома боярина» встает вопрос о мастере, украшавшем постройку. Ф. Д. Гуревич после изучения материала раскопок «дома боярина» познакомилась с фрагментами фресок, собранными при исследовании М. К. Каргером церкви Бориса и Глеба на посаде Новогрудка. Открытые части древнего храма М. К. Каргер датировал в пределах середины— второй половины XII в. [14, с. 81]. Для сравнения интерес представляла близость фресок каменного храма и повалуши. В обеих коллекциях Ф. Д. Гуревич отметила сходство «в рисунке камня», колорите и технологических признаках штукатурного раствора и выразила твердую уверенность в последовательной росписи одними мастерами последовательно церкви св. Бориса и Глеба и «дома боярина»,

этого дома. Атрибуты косторезного ремесла обнаружены в постройке № 21 этого жилого комплекса, датированной XI–XII вв. [9, с. 101; 10, с. 28, 120].

переместив, соответственно, время возведения храма на посаде Новоградка во вторую четверть XII в. [11, с. 38–39]. Небольшая коллекция фрагментов фресок Борисоглебского храма XII в. в Новоградке находится на хранении в Эрмитаже (АНВ-346–450). Очевидных признаков технико-технологической и стилистической общности с фресками повалуши нами не обнаружено, чему посвящено отдельное исследование [6]. Подчеркнем, что говорить о работе над росписями храма и повалуши силами одной артели у нас оснований нет.

В сумме имеющегося материала мы можем говорить о том, что фрески повалуши Новоградка исполнены вероятнее всего древнерусским (полоцким?) мастером, хорошо знакомым с техникой настенной живописи церковей византийского мира XII в. и с художественными традициями декорации интерьеров жилых зданий.

Литература

1. *Васильев Б. Г.* Настенная живопись Софии Полоцкой (по материалам раскопок) // ТГЭ. — 2009. — Т. XLVI: Архитектура и археология Древней Руси. — С. 41–45.
2. *Васильев Б. Г.* К вопросу о развитии живописного направления в стенописях Древней Руси X–XII веков // ТГЭ. — 2010. — Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. — С. 318–334.
3. *Васильев Б. Г.* «Мраморы» в древнерусских стенописях XI–XII веков // Староладожский сборник. — 2011. — Вып. 8. — С. 18–32.
4. *Васильев Б. Г.* Орнаментальные мотивы фресок Десятинной церкви // ТГЭ. — 2012. — Т. LXV: Первые каменные храмы Древней Руси. — С. 74–85.
5. *Васильев Б. Г.* Монументальная живопись Старой Ладоги XII в. — СПб.: Славия, 2014. — 560 с.
6. *Васильев Б. Г., Элишин Д. Д.* Технико-технологические особенности и вопросы реконструкции росписи деревянного дома XII века в Новоградке // *Seminarium Bulkinianum*. — Т. IV. — СПб.: Каламос, 2017. — С. 149–157.
7. *Васильев Б. Г., Медникова Е. Ю., Егорьев А. Н.* Стенопись храма-усыпальницы Евфросиньевского монастыря в Полоцке первой половины XII века: (по материалам коллекции М. К. Каргера) // Погибшие святые. Охраняется государством: сб. материалов 4-й Российской научно-практической конференции. — Вып. 10. — Ч. II. — СПб., 1996. — С. 53–64.
8. *Гуревич Ф. Д.* Раскопки в Новоградке (1960–1961 гг.) // КСИА. — 1963. — Вып. 96. — С. 51–54.
9. *Гуревич Ф. Д.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новоградке // КСИА. — 1964. — Вып. 99. — С. 97–102.
10. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новоградок: посад — окольный город. — Л.: Наука, 1981. — 160 с.
11. *Гуревич Ф. Д.* О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новоградке // КСИА. — 1986. — Вып. 187. — С. 36–40.
12. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. — М.: Искусство, 1975. — 350 с.
13. *Даркевич В. П.* Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв. — М.: Индрик, 2006. — 432 с.
14. *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новоградке // КСИА. — 1977. — Вып. 150. — С. 79–85.
15. *Корзухина Г. Ф.* Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. — 1956. — Т. XXV. — С. 319–342.
16. *Спеэльский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. — Л.: Наука, 1972. — 275 с.
17. *Харламов В. А.* Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. — Киев: Наукова думка, 1985. — С. 106–120.
18. *Dziurova A.* Byzantinische Miniaturen: Schätze der Buchmalerei vom 4. bis zum 19. Jahrhundert. — Regensburg: Schnell & Steiner, 2002. — 304 S.

Название статьи. Фресковая роспись «дома боярина» в окольном городе Новоградка (по материалам коллекции фрагментов штукатурки).

Сведения об авторах. Васильев Борис Григорьевич — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, хранитель. Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-запо-

ведник, Волховский пр., д. 19, пос. Старая Ладога, Волховский район, Ленинградская обл., Российская Федерация, 187412. alfresco@mail.ru

Ёлшин Денис Дмитриевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, хранитель. Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186. denis.jolshin@gmail.com

Аннотация. В статье произведен анализ 200 фрагментов фресковой штукатурки из раскопок «дома боярина» («повалуши») XII в. в Новогрудке 1960–1962 гг., хранящихся в Государственном Эрмитаже и Национальном историческом музее республики Беларусь. Эти фрагменты представляют собой уникальный памятник фресковой живописи по известково-цемяночной штукатурке в светском деревянном сооружении Древней Руси. Исследование, проведенное в свое время автором раскопок, Ф.Д. Гуревич, и реконструкция системы росписи, предложенная Ю.П. Спегальским, скорректированы на основании тщательного изучения сохранившейся коллекции и полевой документации. Общая площадь фрагментов коллекции составляет не более 1,5 м², что заставляет предполагать, что была покрыта штукатуркой и расписана только небольшая часть постройки. Ведущим мотивом были площади красного цвета, ограниченные орнаментальными лентами киматиона, разнообразными по форме, исполнению и колориту. Фрагменты угловых частей свидетельствуют об оформлении фресковой штукатуркой оконного или дверного проема. Единственный фрагмент с фигуративным сюжетом содержит изображение головы мужчины в профиль, очевидно, музыканта, и относится к светской сцене. Живопись сопровождала одноточечная или столбчатая надпись. Фрагменты росписи впервые публикуются в цвете.

Ключевые слова: древнерусская живопись; фреска; светская живопись; орнамент; повалуша; Новогрудок; Беларусь; киматион; музыкант; дом боярина; настенная роспись; сопроводительная надпись.

Title. Fresco Paintings of the “Nobleman’s House” in the Low City of Novogrudok (after the Collection of the Plaster Fragments).

Authors. Vasilev, Boris Grigor’evich — Ph. D., researcher, curator. The Staraya Ladoga museum, Volkhovskiy pr., 19, 187412 posiolok Staraya Ladoga, Volkhovskii raion, Leningradskaya oblast’, Russian Federation. alfresco@mail.ru

Jolshin, Denis Dmitrievich — Ph. D., researcher, curator. The State Hermitage museum, Dvortsovaia nab., 34, 191186 St. Petersburg, Russian Federation. denis.jolshin@gmail.com

Abstract. The article is considering the collection of 200 fragments of fresco plaster from the 1960–1962 excavations of the 12th century “nobleman’s house” (“*povalusha*”) in Novogrudok, kept in the State Hermitage museum and in the National Historical museum of Belarus. These fragments present the unique Old Rus’ ensemble of the fresco painting on plaster (lime and crushed brick), which covered the secular wooden building. The study made by the author of the excavations (Frida Gurevich), and the reconstruction of the system of the paintings (Yury Spegal’sky) has been adjusted on the base of the collection and field documentation. The overall square of the fragments is less than 1.5 m². It is stated that only a small part of the hut was covered by fresco plaster, including the zone of the window or the door opening since a dozen fragments have the 45 degrees angle between the surfaces. The main color of the background was red, limited by the ornamental stripes of the kymation, which differ in their shape, scale, and color. The unique figurative fresco fragment depicts a man’s head, presumably a musician, who was the part of a secular scene. The paintings were accompanied by the one-line inscription.

Keywords: Old Russian paintings; fresco; secular paintings; ornament; povalusha; Novogrudok; Belarus; kymation; musician; nobleman’s house; mural paintings; fresco inscription.

References

Darkevich V. P. *Svetskoe iskusstvo Vizantii (Secular Art in Byzantium)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 350 p. (in Russian).

Darkevich V. P. *Svetskaia prazdnichnaia zhizn’ Srednevekov’ia IX–XVI vv. (Secular Life and Festivals in the Middle Ages, 9th–16th Centuries)*. Moscow, Indrik Publ., 2006. 432 p. (in Russian).

Dzurova A. *Byzantinische Miniaturen. Schätze der Buchmalerei vom 4. bis zum 19. Jahrhundert*. Regensburg, Schnell & Steiner Publ., 2002. 304 p. (in German).

Gurevich F. D. Excavations in Novogrudok, 1960–1961. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Short Transactions of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)*, 1963, vol. 96, pp. 51–54 (in Russian).

Gurevich F.D. The House of the Nobleman in the Old Russian Novogradok. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Short Transactions of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)*, 1964, vol. 99, pp. 97–102 (in Russian).

Gurevich F.D. *Drevnii Novogradok: posad-okol'nyi gorod (Old Novogradok: Low City)*. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 160 p. (in Russian)

Gurevich F.D. On the Date of Sts Boris and Gleb Church in Novogradok. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Short Transactions of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)*, 1986, vol. 187, pp. 36–40 (in Russian).

Karger M. K. Excavations of the Sts Boris and Gleb Church in Novogradok. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Short Transactions of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)*, 1977, vol. 150, pp. 79–85 (in Russian).

Kharlamov V.A. The Research of the Stone Monumental Architecture of Kiev, 10th–13th Centuries. *Arkheologicheskie issledovaniia Kieva 1978–1983 gg. (Archaeological Research of Kiev, 1978–1983)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 106–120 (in Russian).

Korzukhina G. F. New Data on the Excavations of V. V. Khvoiko in the Petrovsky Estate in Kiev. *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)*, 1956, vol. 25, pp. 319–342 (in Russian).

Spegal'skii Iu. P. *Zhilishche Severo-Zapadnoi Rusi IX–XIII vv. (Houses of the North-Western Rus', 9th–13th Centuries)*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 275 p. (in Russian).

Vasil'ev B. G. Mural Paintings of St. Sophia Church in Polotsk (after the Excavated Materials). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)*, 2009, vol. 46, pp. 41–45 (in Russian).

Vasil'ev B. G. On the Question of the Development of the Artistic Manner in the Mural Paintings of the Old Rus'. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)*, 2010, vol. 53, pp. 318–334 (in Russian).

Vasil'ev B. G. "Marbles" in the Mural Paintings of the Old Rus' in the 11th–12th Centuries. *Staroladozhskii sbornik (Staraya Ladoga Collection)*, 2011, vol. 8, pp. 18–32 (in Russian).

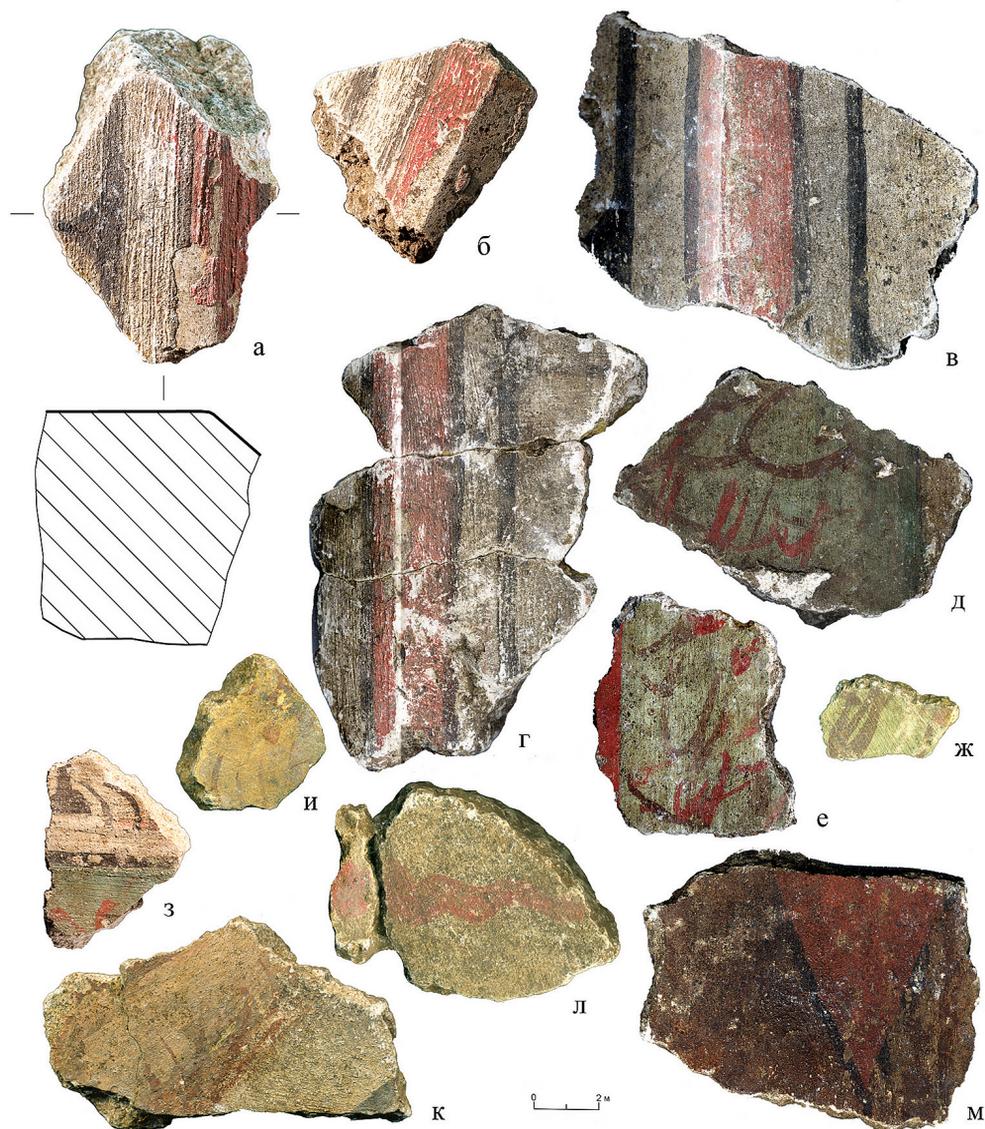
Vasil'ev B. G. Ornamental Motifs of the Tithe Church Frescoes. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)*, 2012, vol. 65, pp. 74–85 (in Russian).

Vasil'ev B. G. *Monumental'naia zhivopis' Staroi Ladogi XII v. (12th Century Monumental Paintings of Staraya Ladoga)*, Saint Petersburg, Slaviia Publ., 2014, 560 p. (in Russian).

Vasil'ev B. G.; Mednikova E. Iu.; Egor'kov A. N. Mural Paintings of the Burial Church of the Evfrosinian Monastery in Polotsk (1st Half of the 12th Century), after the Materials of M. K. Karger's Excavations. *Pogibshie sviatyni. Okhraniatsia gosudarstvom: Sbornik materialov 4-i Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Lost Temples. Under the State Protection. The Collection of Materials of the 4th Russian Scientific and Practical Conference)*, vol. 10, part 2. Saint Petersburg, 1996, pp. 53–64 (in Russian).

Илл. 86. Фрагменты фресок «дома боярина» в Новгороде: фоны: а) АНВ-105, б) АНВ-114, в) АНВ-19, г) СК-12; д) арка: СК-2; орнаменты: е) СК-5; ж) АНВ-21; з) СК-1; и) СК-4; к) СК-8; л) АНВ-71; м) СК-15; н) АНВ-38

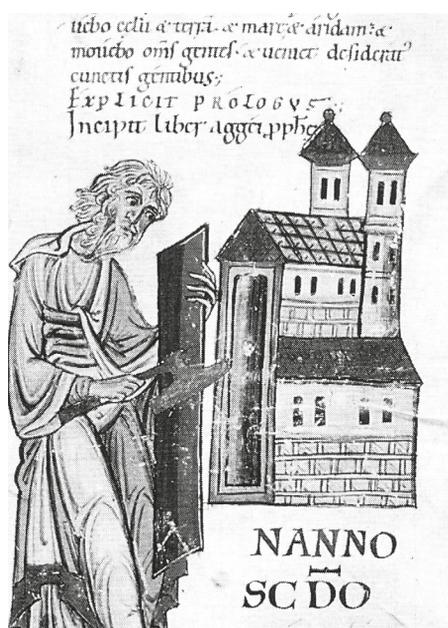
Илл. 87. Фрагменты фресок «дома боярина» в Новгороде: а) угол с сечением: АНВ-1; углы: б) АНВ-4; в) СК-6; г) СК-7; орнаменты: д) СК-11; е) СК-14; ж) АНВ-79; з) АНВ-22; и) АНВ-72; к) АНВ-70; л) АНВ-30; м) СК-9

Илл. 88. Фрагменты фресок «дома боярина» в Новогрудке: а) надпись: АНВ-49; б) рисунок головы в профиль: СК-10

Илл. 89. Дворец Навуходоносора. Деталь миниатюры к Песни о трех отроках. ГИМ, Хлуд. 3. Л. 281

Илл. 90. Деталь инициала «N» Библии Гебхарда. Около 1145–1150 гг. Вена, Австрийская национальная библиотека, cod. ser. Nov. 2701. Fol. 246